

УДК 811.161.1'28

Т. Н. Плешкова

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ РЕЧИ
В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА**

Представлены результаты исследований речи коренного населения Архангельска на предмет наличия в высказываниях информантов диалектных лексических единиц, с учетом социальной стратификации. Полученные данные показывают, что диалектные лексические единицы до настоящего времени остаются функционально активными, однако их частотность в группах информантов, дифференцированных по уровню их образования, существенно различается.

The author presents the result of research into the speech of indigent population of Arkhangelsk aimed at identifying informants of dialect lexical units in view of social stratification. The data obtained show that dialect lexical units are still functionally active, but their frequency in groups formed according to the education principles differs considerably.

Ключевые слова: диалект, городская речь, язык города, коммуникация.

Key words: dialect, urban speech, city language, communication.

Понятие «языковая ситуация» тесно связано с социальными аспектами изучения языка, выступая одним из основных социолингвистических понятий и предметом макросоциолингвистических штудий. Объект нашего многолетнего исследования — языковая ситуация Архангельского Севера, под которым мы понимаем территорию современной Архангельской области. Целью настоящей статьи является частичное описание характера языкового облика города Архангельска, входящего в конгломерацию северных городов (Архангельск — Северодвинск — Новодвинск).

Изучение городской речи представляет особый интерес для социолингвистики с 20-х гг. XX в., когда Б. А. Ларин в книге «Язык города» [1] впервые поставил перед отечественной наукой основные задачи лингвистического изучения города с точки зрения его социальной структуры. Исследование городской речевой среды представляется актуальным в связи с тем, что наука первого десятилетия XXI в. характеризуется повышенным интересом к специфике современной русской культуры, которая закрепляется в языке как ее продукте и через язык получает развитие. Язык одновременно представляет собой средство коммуникации и хранилище совокупных знаний о мире, так как поддерживает и отображает все многообразные фрагменты мира в сфере культуры.

Язык современного города отражает и формирует его культурное пространство. Городская речь Архангельска, как и любого другого со-

временного города России, является многокомпонентным конгломератом речевых форм, которые пребывают в многообразных и непростых связях как с литературным идиомом, так и с другими идиомами русского языка (территориальными и социальными диалектами, просторечием, жаргонами и т.п.). Сложность и многовариантность картины бытования русского языка в лингвистическом пространстве современного города определены вариативностью его социальной структуры, разнородностью городского населения по возрастным, образовательным, профессиональным, этническим признакам, по отнесенности / неотнесенности к коренному населению территории, длительности проживания в городе, уровню владения литературной формой и т.п.

Речи городов свойственна существенная дифференциация как в профессиональной коммуникации, так и в семейно-дружественной (бытовой). Однако затронувший в прошлом веке Архангельский Север активный процесс урбанизации, при котором рост численности городского населения происходил в основном за счет миграции рабочей силы из небольших северных городов, сел и деревень, определил устойчивую диалектную окраску речи коренного населения современного Архангельска.

В социальной структуре населения Архангельска конца XIX — начала XX в. одну из самых больших социальных групп составляли крестьяне, при этом «лица крестьянского сословия, переселившиеся в Архангельск, были по происхождению коренными жителями различных уездов Архангельской губернии» [2, с. 228]. Этими обстоятельствами определяется проникновение в городскую речь всех социальных слоев горожан диалектных языковых особенностей, свойственных севернорусскому наречию. Эти особенности проявляются в речи носителей языка в разной степени и сохраняются в городском узусе до настоящего времени в силу мощного процесса урбанизации, осуществлявшегося на протяжении почти всего XX в. в основном за счет сельских жителей территории Архангельского Севера.

В настоящее время, как показывают наши исследования, речь архангелогородцев характеризуется чертами, которые отличают ее от речи коренных жителей других территорий России в силу специфических социальных, демографических и исторических условий формирования населения этого значительно удаленного от культурных и экономических центров России северного города.

Высказывания архангелогородцев обнаруживают целый ряд живых, функционально активных языковых черт диалектной природы. Коренного архангелогородца легко узнать по особенному плавному, напевному интонационному рисунку речи, который обеспечивается повышением тона большего числа слогов по сравнению с литературным вариантом произношения и сглаживанием резких различий между ударными и безударными слогами за счет ритмизации речи, весьма слабо поддающейся коррекции.

Речь архангелогородцев отмечена *оканьем* и особым *э-образным звуком* на месте безударного *о* (*стыдливое аканье*, по Р.И. Аванесову) у тех

носителей языка, которые стремятся к литературному произношению, несколько сниженной артикуляционной активностью (так называемая зажатая артикуляция, особенно свойственная гласным звукам), регулярными частицами *-то* и *дак* и другими весьма очевидными явлениями диалектной природы всех уровней языковой системы.

Диалектные черты обладают функциональной закрепленностью в сферах повседневного общения, причем это обстоятельство зачастую радикально не зависит ни от возраста, ни от социального положения носителя языка. Однако мы имеем немало оснований утверждать, что городское просторечие Архангельска, насыщенное в большей или меньшей степени явлениями, свойственными *диалектному языку* (термин Р. И. Аванесова), используется для решения коммуникативных задач, входящих в функциональный спектр кодифицированного литературного языка.

Приведем здесь ряд имеющихся в нашем распоряжении образцов речи информантов из числа коренных северян:

Так-то хорошо выглядят-то, даг голяшка узка (ж., 25 лет, продавец, с/о)¹.

Возьми плитку-то, не пользую ее, уже лет пять без применения (ж., 52 года, врач, в/о).

Иголки-то вязальные есть у тебя, чем вязать-то будешь? (ж., 45 лет, медсестра, с/о).

Сейгод наша архангельская погода преподнесла сюрприз – майские метели (м., 40 лет, тележурналист, в/о).

Вчера еще в больницу повалили (м., 21 год, студент).

Гляди, сколько много цветов-то уж распустилось: ранняя сейгод весна дак (ж., 47 лет, парикмахер, с/о).

Ак, я заболела: голова да, насморк да, а температуры нет (ж., 29 лет, учитель, в/о).

Данные примеры подтверждают тезис о размытости социальной базы просторечия. Действительно, ее составляющие довольно разнообразны. Несмотря на то что городское просторечие Архангельска не представляет собой целостного языкового образования, не имеет устойчивой нормы, оно выступает в смешанных в языковом отношении высказываниях с четко прослеживающимися диалектными элементами, с одной стороны, и влиянием литературного языка – с другой. Черты, свойственные просторечию, отличают в разной степени высказывания домохозяек, школьников, студентов, учителей, врачей, служащих – носителей языка, имеющих как среднее, так и высшее образование.

Диалектно-просторечные черты обладают в речи архангелогородцев довольно устойчивым характером, однако могут сглаживаться или вообще исчезать в зависимости от речевой ситуации. Последнее касается, конечно, прежде всего носителей языка, имеющих высшее образование, владеющих кодифицированной формой языка. Приведем пример:

Ак гуляли пока, дак он устриялся-то весь с головы до ног, стирать-то всю одежду надо (ж., 37 лет, в/о).

¹ В статье используются сокращения: в/о – высшее образование; с/о – среднее образование; ж. – женский пол; м. – мужской пол.

Через несколько минут при сменившихся параметрах коммуникативной ситуации (другой рецепиент) информант переключается на литературную форму речи. Стратегия речевого поведения в данном случае зависит от условий речевой ситуации (целей, адресата речи, места общения), которые мгновенно могут изменить характер речевых предпочтений коммуниканта за счет переключения речевого кода говорящим.

Отмечено немало случаев, когда в условиях максимальной речевой дисциплины говорящие используют литературные языковые средства, в спонтанной же коммуникации возможны просторечные речевые реализации, в том числе просторечно-диалектные единицы, которые в любой коммуникативной ситуации сообщают высказыванию специфический местный колорит, так как интонационный рисунок речи во всех случаях сохраняется.

Так, наблюдая за речевым поведением двух тележурналисток архангельской телекомпании (возраст — 28 и 30 лет, образование — высшее филологическое) в развлекательной передаче, мы отметили, что их речь, в начале программы вполне литературная, к ее концу изменилась в сторону использования диалектно-просторечных форм. По ходу передачи мелодико-ритмический рисунок речи ведущих все более приобретал диалектную окраску, постепенно проявлялось характерное для Архангельского Севера оканье, в речь периодически включалось диалектное наречие *сейгод* вместо литературного *в этом году, дак* (как в роли союза, так и в роли частицы), употребление частицы *-то* приобрело регулярный характер, появились своеобразные диалектные синтаксические формы (*Сколько много солнца, лета и радости; Чтoб учиться, книги надо* и т.п.).

Диалектализация речи носителей языка, связанных с диалектной речевой средой, в языковом целом ареала исторического распространения народных говоров неизбежна, но степень диалектализации, как показывают наблюдения, значительно дифференцирована. Коммуникативные потребности определяются во многом общественными отношениями. Очевидна зависимость речевых предпочтений от таких социальных параметров личности, как возраст и образование носителя языка. Это положение подтверждается результатами длительных, в течение семи лет, наблюдений за двумя группами информантов (по 12 человек в каждой) — коренных жителей Архангельска разного уровня образования, возраста, пола, принадлежащих к разным профессиям и обладающих в силу этого разными коммуникативными потребностями и разнородным речевым опытом.

Первая группа носителей языка включала архангелогородцев социально-активного возраста (24–50 лет), имеющих высшее образование (среди них — врачи, учителя, инженеры, чиновник, предприниматель). В группу вошли лица обоих полов: 7 — женского пола, 5 — мужского. Вторая группа информантов включала лиц с теми же социальными параметрами, кроме уровня образования (медсестры, парикмахеры, бухгалтер, воспитатели детского сада, авиамеханик, судомеханик, имеющие среднее специальное образование), в их числе 8 лиц женского пола

и 4 – мужского. Информанты обеих групп родились в Архангельске или в Архангельской области, проживают в областном центре не менее двадцати лет.

Исследование проводилось методом включенного наблюдения. Речь информантов носила преимущественно обиходно-бытовой характер, фиксировалась вручную скрытым способом, а также записывалась на диктофон. Полученный нами речевой материал содержал 750 фрагментов в среднем по 14–18 словоупотреблений, включающих диалектные единицы всех уровней языковой системы. Представим здесь только лексические диалектизмы, обозначающие реалии окружающего предметного мира, действия человека, черты его характера и т. п. Наиболее употребительными, отмеченными не менее 20 раз, являются следующие лексемы, выявленные в высказываниях обеих групп горожан:

- *баловной* – избалованный (о ребенке);
- *батог* – палка округлой формы, жердь;
- *блзнить* – казаться, мерещиться;
- *валить* – направлять на лечение в стационар;
- *валить* – укладывать спать ребенка;
- *валиться* – ложиться спать;
- *варево* – наспех приготовленная, невкусная горячая еда;
- *водиться* – нянчиться с ребенком;
- *взлягивать* – бежать, подпрыгивая; подпрыгивать; праздно, разгульно проводить время; предаваться разгулу;
- *внаклонку* – выполнять какую-нибудь работу, низко наклонившись;
- *взъем* – подъем тыла стопы; подъем сапога, ботинка;
- *воротца* – калитка;
- *выдelyваться* – капризничать, плохо себя вести;
- *голяшка* – голенище;
- *держать* – использовать тот или иной предмет по назначению (платье, инструмент, чайник и т. п.);
- *жамкать* – сминать что-то, собрав в кулак (белье при ручной стирке, волосы при укладке их в прическу, капусту при закваске и др.);
- *живулька* – смётка при шитье;
- *жонка* – женщина; жена;
- *засоня* – любитель поспать, соня;
- *иголки* – тонкие вязальные спицы;
- *имать* – ловить;
- *капризить* – капризничать;
- *катон* – катушка ниток;
- *кошка* – песчаная отмель на реке, песчаный остров;
- *строжить* – строго делать предупреждение о чем-нибудь;
- *неслух* – непослушный ребенок;
- *пересестся* – надорваться;
- *сейгод* – в нынешнем году;
- *устряпаться* – испачкаться;
- *шаньга* – вид пирожка из жидкого дрожжевого теста, выпекаемого в специальной форме с резными краями.

Для определения функционально-частотных параметров реализации диалектных лексических явлений (подчеркнем, что присутствующие в высказываниях информантов диалектные реализации других уровней системы не рассматривались) установлено число диалектизмов в 600 словоупотреблениях каждого из 12 носителей языка обеих групп. В среднем 31 словоупотребление лексических диалектизмов отмечено в высказываниях лиц, имеющих среднее специальное образование, и только 10 — в высказываниях лиц, имеющих высшее образование, что составило соответственно 5,2 и 1,7 % от общего числа словоупотреблений каждого носителя языка (600) и позволило сделать вывод об определенной функциональной активности лексических единиц диалектной природы в языковом пространстве города. Значимость образовательной стратификации носителей языка для социолингвистического исследования ни у кого не вызывает сомнения. Результаты показывают, что этим фактором определяется степень насыщенности высказывания диалектной лексикой в бытовых коммуникативных ситуациях.

Однако несмотря на то, что диалектные речевые средства всех уровней языковой системы используются в семейно-дружественной коммуникации и используются вне социальных ограничений (разумеется, с разной степенью частотности употребления), различия постепенно выравниваются под влиянием литературного языка, степень владения которым, несомненно, определяется уровнем образования.

Еще в 1961 г. В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова утверждали, что нормы литературного языка «все более распространяются на говоры любых территорий, приобретают повседневный, систематический характер, непрерывно предоставляя в распоряжение носителей диалекта необходимый материал для сравнения их речевой практики с практикой носителей нормализованного типа языка» [3, с. 34]. Однако исследователи указывали и на такой неоспоримый факт, как негативное влияние структурной близости народных говоров и кодифицированного языка на процессы усвоения литературных норм носителями языка в условиях диалектной речевой среды.

Следует отметить, что среди лиц, имеющих высшее образование, далеко не всем удается овладеть в полной мере литературной формой речи в достаточной степени и избавиться от специфических ошибок, связанных с влиянием речевой среды города. Существенно также влияние аргумента «все так говорят», который оказывается весьма сильным с психологической точки зрения.

Полученный в ходе наших исследований языковой материал, в том числе данные, приведенные в этой статье, позволил сделать вывод о выраженной диалектной специфике речи коренных жителей Архангельска, представляющих разные возрастные, образовательные и гендерные социальные группы.

Список литературы

1. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. С. 61—75.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Архангельская губерния. Тетр. 2. СПб., 1900.
3. Орлова В. Г., Строганова Т. Ю. Закономерности развития диалектов русского национального языка // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1961. Т. 20, вып. 5. С. 432—444.

Об авторе

Татьяна Николаевна Плешкова — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск.
E-mail: vivavik77@yandex.com

About author

Prof. Tatyana Pleshkova, Mikhail Lomonosov Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk.
E-mail: vivavik77@yandex.com